

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Роль традиционной китайской мифологии в формировании самосознания современных китайцев

Выпускная квалификационная работа по направлению 033000 Культурология
Основная образовательная программа: «Китайская культура»

Исполнитель:
Стрекаловская Екатерина Вадимовна

Научный руководитель:
ассистент
Терехов Антон Эдуардович

Рецензент:

к. и. н.
Пан Татьяна
Александровна

Санкт-Петербург

2017 г

ОГЛАВЛЕНИЕ

Generating Table of Contents for Word Import ...

ВВЕДЕНИЕ

Представленная выпускная квалификационная работа посвящена выявлению роли традиционной китайской мифологии в формировании самосознания современных китайцев.

Мифологические сюжеты древности интересны и привлекают к себе пристальное внимание благодаря ореолу загадочности и тайны, формирующемуся вокруг них. С течением времени истина остается всё глубже в веках, становится всё менее доступной. Однако мифология является неотъемлемой частью культуры любого региона, более того, является порождающим новые концепты её элементом, поэтому важно и любопытно изучение древних текстов в их проекции на современность, это необходимо для воссоздания единого процесса становления и развития культуры Китая вообще и формирования образа мышления современного китайского народа в частности.

Изучение мифов является междисциплинарным направлением, включающим исследования различных гуманитарных наук, таких как история, культурология, этнография и другие. Каждая из этих областей характеризует мифы как культурное наследие того или иного региона с помощью различных методов, достигая при этом узкоспециализированных знаний по заданной теме. Изучение роли мифологии в формировании самосознания людей находится на пересечении таких наук, как культурология и психология. В представленной выпускной квалификационной работе использован **метод** анализа дошедших до нас древних текстов в различных трактовках и комментариях к ним, созданных как более ранними учеными-исследователями, так и представителями современной науки. В ходе выполнения данной работы также было проведено эмпирическое исследование, **методом** которого является опрос среди современных китайцев.

Актуальность темы работы: изучение сюжетов традиционной китайской мифологии позволит понять характерные особенности представлений людей древности об устройстве мира, определить структуру системы ценностей, которая сложилась в современном обществе, а также проследить эволюцию образов героев мифов в культуре. Мифология всегда находила отражение в литературе, живописи, архитектуре, в настоящее время сюжеты древности продолжают бытовать в различных формах – герои мифов становятся главными действующими лицами полнометражных фильмов, телесериалов и компьютерных игр, что доказывает устойчивость и популярность образов мифологии в современной культуре. По причине того, что многие мифы в Китае воспринимаются как источник исторических знаний, их исследование традиционно проводилось исходя из того, что миф – это отражение исторической действительности. Также большое количество исследований посвящено раскрытию смысла различных концептов, сложившихся в культуре под влиянием мифологических представлений. Об этом писали такие ученые, как Зинин С.В.¹ (о древней мантике в новой историографической перспективе), Ульянов М.Ю.²(о мифической части генеалогии правителей царства Чу), Терехов А.Э.³(об аспектах представлений о совершенномудрых-шэн в Китае эпохи Хань), Куликов

---

¹Зинин С.В. Древняя мантика в новой историографической перспективе/Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 – . Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. - 2007. - 869 с. С. 124-143.

²Ульянов М.Ю. Мифическая часть генеалогии правителей царства Чу // Научная конференции «Ломоносовские чтения», апрель 2002 г., Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2002 с. 14 -22

³Терехов А.Э. Некоторые аспекты представлений о совершенномудрых-шэн в Китае эпохи Хань/Общество и государство в Китае: XLII научная конференция: Часть. 1 / Ин-т востоковедения РАН. - М.: Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения (ИВ РАН), 2012. - 395 стр. - Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 6. С. 329-342.

Д.Е.⁴ (о связи орнитологических мотивов и древнекитайской мифологии в культуре Шань-Инь). В отличие от исследований, проводимых ранее относительно китайской мифологии, в предлагаемой квалификационной работе предпринимается начальная исследовательская попытка анализа образов китайской мифологии с точки зрения их влияния на мышление, самосознание, формирование представлений об идентичности китайского народа, **в чем и заключается её академическая новизна.**

Степень разработанности темы: проблема изучения китайской мифологии в целом всегда являлась одним из центральных направлений деятельности ученых, в чью компетенцию входило изучение культуры Китая, поэтому на данный момент существует большое количество материалов, касающихся указанного вопроса. Сведения об основных персонажах, сюжетах, классификации китайских мифов содержатся в ряде работ отечественных и зарубежных ученых, таких как Юань Кэ⁵, Дэрк Бодде⁶, Б.Л.Рифтин⁷, Л.С. Васильев⁸, М.Е. Кравцова⁹ - исследования этих авторов были использованы для изучения общих вопросов китайской мифологии, составления характеристики персонажей. Однако в существующих научных трудах роль мифологии в формировании самосознания не фигурирует в качестве объекта специального исследования, поэтому степень разработанности темы можно считать недостаточной.

---

⁴Куликов Д.Е. Орнитологические мотивы в культуре Шан-Инь и их связь с древнекитайской мифологией/ Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция / Ин-т востоковедения; Сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. – М.: Вост. лит., 2002. – 366 с. С. 6-42.

⁵ Юань Кэ Мифы Древнего Китая. – М.: Наука, 1965

⁶ Д. Бодде *Мифы древнего Китая* // Мифологии древнего мира. М., 1977

⁷ Б.Л. Рифтин//Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006. Т. 2. Мифология. Религия / 2007. 869 с.,

⁸ Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Наука, 1970. 480 с.

⁹ М.Е. Кравцова «История культуры Китая»,СПб, 2003. – 416с.

Основной исследовательской работой, которая использовалась с целью анализа современного понимания и оценки китайцами мифологии, являлся научно-популярный сборник на китайском языке Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй)¹⁰, который представляет собой собрание сочинений китайской мифологии с комментариями современных китайских ученых-исследователей. Также важным источником информации о том, как на данный момент трактуются сюжеты традиционной мифологии, являлось учебное пособие на китайском языке для иностранных студентов Чжунго вэньхуа гайлунь 中国文化概论 (Введение в культуру Китая).¹¹ Главным научным трудом, который использовался для изучения вопросов, касающихся психологии, самосознания, мышления, характера китайцев являлось исследование Н.А. Спешнева.¹²

Цель работы: на основании изучения сюжетов традиционной китайской мифологии, а также посредством проведения опроса среди китайской молодёжи, определить роль традиционной китайской мифологии в формировании самосознания современных китайцев.

Заявленная цель исследования предполагает решение следующих научных задач:

- обозначить основные проблемы и вопросы китайской мифологии;
- изучить и проанализировать основные сюжеты китайской мифологии;

---

¹⁰ Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), Пекин, 2015

¹¹ Чжунго вэньхуа гайлунь 中国文化概论 (Введение в культуру Китая), Пекин, 2014

¹² Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. - СПб.: Каро, 2012. 336 с

- охарактеризовать ключевых героев китайской мифологии, определить их функции и значение в культуре;
- провести опрос о значении мифов в культуре среди современных китайцев и проанализировать полученные данные

Исходя из заявленных цели и задач исследования, предлагаемая выпускная квалификационная работа имеет следующую структуру: она состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Списка использованной литературы и Приложения.

Во Введении обоснованы актуальность и новизна исследования, сформулированы его цель и задачи, определена степень изученности проблемы и дан обзор использованных источников.

В первой главе работы представлен краткий обзор общих вопросов проблематики китайской мифологии на основании изучения предыдущих научных исследований.

Вторая глава содержит характеристику некоторых персонажей традиционной китайской мифологии. Выбор образов для анализа был обусловлен полученными в ходе эмпирического исследования данными: в главе представлены описания героев, которые являются наиболее популярными в Китае по мнению представителей современных китайцев.

Третья, заключающая, глава представляет собой описание данных, полученных в результате проведения практического исследования, что непосредственно является попыткой начального исследовательского анализа роли мифологии в формировании самосознания современных китайцев.

В Заключении сформулированы выводы и итоги в соответствии с целями работы.

Список использованной литературы содержит 30 наименований, из них 22 работы на русском языке, 3 на английском и 4 на китайском.

В Приложении к работе представлен список вопросов на китайском языке, которые были адресованы китайцам в ходе проведения практического исследования.

Глава 1. КРАТКИЙ ОБЗОР ОБЩИХ ВОПРОСОВ ПРОБЛЕМАТИКИ КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

1. *Что есть миф в культуре Китая*

Сюжеты китайской мифологии не так известны всему миру, как, например, наследие греческой, римской или индийской цивилизаций, однако с каждым годом они привлекают всё большее внимание со стороны не только китайских, но и зарубежных исследователей. Общая проблематика и тенденции китайской мифологии изучены и охарактеризованы довольно подробно, в данном параграфе будут изложены основные вопросы, касающиеся данной темы.

Перед началом какого-либо исследования необходимо определиться с его предметом. Что же такое миф? Вопрос кажется простым, однако таковым не является. Первые ассоциации с данным словом – это слова «сказание», «сказка», «легенда». В главе «Мифы древнего Китая» (中国古代神话 *чжунго гудай шэньхуа*) книги «Культура Китая» (中国文化 *чжунго вэньхуа*) мифы определяются следующим образом: «Мифы – это истории о сверхъестественном или обожествленных героях древности. Мифы появляются с началом человеческой эпохи. С древних времен люди очень хотели познать природу, преобразовать её. Однако в силу того, что в тот период материальные условия были недостаточны и когнитивные способности также были низкими, люди только и могли полагаться на фантазию, мистические образы природы и общественной жизни, создавая своеобразные бесхитростные толкования и используя их для выражения своих прекрасных желаний и надежд»¹³. Действительно, мифологическое сознание формируется первостепенно, его можно назвать отправной точкой развития культуры любого народа. Похожий мотив размышлений есть и у

---

¹³Чжунго вэньхуа 中国文化 (Культура Китая). Пекин, 1999, С. 10

Юань Кэ в его труде «Мифы Древнего Китая», где он отсылает своего читателя к словам М. Горького о том, что мифология «в общем является отражением явлений природы, борьбы с природой и отражением социальной жизни в широких художественных обобщениях»¹⁴. Открывая для себя мир посредством наделения всего окружающего свойствами живого, человек древности определяет миф как единственно возможную достоверную реальность и определяет место самого себя в ней. Мифологемы устойчивы в культуре, так как затрагивают вопросы, первоочередные для человека, являются трансляторами общественной стороны жизни людей.

С течением времени сюжеты нисколько не теряют своей актуальности, в некоторой мере это происходит благодаря тому, что они являются весьма универсальными – в них формируется определенный набор символических элементов, которые можно использовать в различных контекстах. Хотя в разные культурные эпохи акцент в том или ином сюжете может смещаться ради доказательства главенствующей в обществе идеи, основной мотив повествования останется в изначальном варианте, изменится лишь оболочка и расширится круг возможных интерпретаций.

В статье «中国古代神话» автор отмечает самобытность китайской мифологии, обобщая мифы других народностей с наиболее известными системами сказаний – древнегреческой и древнеиндийской: «В мире существуют мифы и легенды разных народов, все они подобны известным мифам Древней Греции и Древней Индии».¹⁵

Естественно, что легенды и сказания в любом обществе складываются прежде, чем возникает наиболее устойчивая языковая система – письменность, об этом также пишет автор статьи: «Китайская мифология берет начало с доисторических времен. Еще до изобретения

---

¹⁴ Цит. по Юань Кэ Мифы Древнего Китая. – М.: Наука, 1965 г., С. 3

¹⁵ Чжунго вэньхуа 中国文化 (Культура Китая), С. 10

письменности очень многие мифы распространялись в народе в устной форме. Автором сказаний является именно многочисленный трудовой народ».¹⁶ Однако в данном фрагменте мне показалось интересным, что автор намеренно употребляет устойчивое словосочетание «勞動人民» – «трудовой народ». Таким образом, мы можем наблюдать следующее: по причине того, что статья написана в коммунистическом Китае, автор непременно делает акцент на одном из основополагающих понятий существующей в стране идеологии – труде, а также подчеркивает, что труд свойственен китайцам с давних времен, с момента закладывания основ их культурных ценностей.

В тексте можно найти еще одну похожую мысль: «Древнекитайская мифология действительно богата образами древних героев, которые поступают личными интересами ради общественного, гонятся за счастьем, постоянно самосовершенствуются и стремятся к развитию своего государства». Среди прочих, автор выбирает и подчеркивает именно те качества персонажей, в основе которых лежит возвышение коллективного над индивидуальным, стремление работы над собой во имя процветания общества.

Среди многообразия трактовок и теорий трудно выделить определенное единство. Некоторые версии кажутся неоконченными, фантастичными. Собственно, и сами мифологические материалы, как правило, отрывочны и случайны, вследствие чего восстановление на их основе даже отдельных мифов представляется трудным, создание цельной системы тем более.

Одну из наиболее точных формулировок фундаментальных вопросов китайской мифологии дает в своей научной работе Дерк Бодде¹⁷, он, ссылаясь и на других ученых тоже, выделяет мифы в некую общность под тремя основными заголовками: *эвгемеризация, фрагментарность и язык,*

---

¹⁶Чжунго вэньхуа 中国文化 (Культура Китая), С. 10

¹⁷ Дерк Бодде (1909-2003) - американский синолог, историк Китая, переводчик

хронология. Выделение подобных концептов было обнаружено и в современной китайской справочной литературе по мифологии, причем в работах разных авторов и изданий содержится примерно одинаковый материал, на основании чего будет вполне уместным приводить в пример лишь один такой сборник, а именно Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй).

2. *Проблемы эвгемеризации*

В традиционном понимании эвгемеризм, как герменевтическая теория толкования мифов, предполагает, что мифология и религия являются результатом сакрализации истории, т.е. различные боги и мифологические персонажи – это фантастические образы реальных исторических персон, а мифы – преобразованные повествования исторических событий. Таков дискурс западного развития данной теории, однако относительно китайской мифологии этот принцип работает иначе – миф превозносится до статуса реального, а боги становятся людьми. «Нет никакого сомнения в том, что изрядное количество материала, принимаемого за раннюю китайскую историю, подверглось такому процессу эвгемеризации, и что буквальное понимание этого материала многими вплоть до наших дней приводит к огромным недоразумениям в вопросе о происхождении китайской цивилизации».¹⁸ Как мне кажется, самым явным примером данного феномена является проблема династии Ся 夏 – её происхождения и вообще существования. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению относительно реальности дома Ся, даже если и не мифическое – Ся по-прежнему остается чем-то вроде миража. И так будет до тех пор, пока не будут найдены письменные документы, которые с

---

¹⁸ Бодде Д. *Мифы древнего Китая* // Мифологии древнего мира. М., 1977, С. 382

достоверностью позволили бы распознать и связать любую дошанскую культуру или местонахождение ранней бронзы именно с Ся.

Во введении к сборнику Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй) авторы характеризуют мифологию как «способ фиксирования народом исторических событий»¹⁹, т.е. авторы изначально наделяют мифологические сюжеты статусом исторической хроники и именно в этом контексте рассматривают все сюжеты.

Дерк Бодде также ссылается на Анри Масперо²⁰ с его исследованием «Мифологические предания в "Шу цзине"» (1924): «Китайские ученые никогда не знали другого пути истолкования легендарных повествований, кроме эвгемеризации. Под предлогом восстановления их исторической сути они исключают те сверхъестественные элементы, которые кажутся им неприемлемыми, и сохраняют только бесцветные выжимки, где боги и герои превращаются в мудрых императоров и мудрых министров, а чудовища — в мятежных князей и злых министров. ... На самом деле здесь нет ничего исторического, кроме названия: это всего только легенды, ... созданные, чтобы объяснить те или иные обряды, иногда — простые сюжеты, заимствованные из фольклора, и т. п. Все эти призраки должны исчезнуть из истории Китая, они только скрывают ее истоки. Вместо того чтобы упорствовать в разыскании несуществующего исторического базиса в легендарной одежде, мы должны стараться вскрыть мифологический базис или народные рассказы в одежде псевдоисторических повествований».²¹

Масперо явно критично относится к проблеме эвгемеризации, и это небезосновательно. Получается, что «легендарная одежда» прячет

---

¹⁹ Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), С.1

²⁰ Анри Масперо (1883-1945) - французский синолог, профессор

²¹ Цит. по Д. Бодде *Мифы древнего Китая* // Мифологии древнего мира. М., 1977, С.382

мифологическую основу, выдает её за историю китайской государственности, хотя таковой она не является, и задача учёного сообщества состоит в том, чтобы понять данное несоответствие и изучать миф как таковой, а не приписывать ему статус источника исторических знаний. Ведь если абстрагироваться от исторической составляющей какого-либо сюжета, можно заметить гораздо более существенную его роль в формировании культуры народа. Герой каждого мифа является выражением, символом определенного культурного феномена, оказывает влияние на становление личности носителя данной культуры, поэтому наделение мифа исключительно функцией транслирования истории является упущением с точки зрения комплексного изучения через мифологию культурных основ и традиций.

3. *Проблемы фрагментарности и языка*

Исследователи сходятся во мнении, что в раннем литературном творчестве отсутствовал специальный жанр мифа, более того, нет такого текстового источника, где представлялось бы возможным обнаружить миф последовательно и в полном виде изложенном. Юань Кэ утверждает, что с древних времен и до современности китайцы вовсе и не знали такого слова – «миф». Оно лишь относительно недавно вошло в культуру из других языков. Стоит отметить, что в современной научно-популярной литературе по мифологии для обозначения мифа используются слова «легенда», «сказание», «история», даже «сказка» – это доказывает, что у современных китайцев нет четкого жанрового разделения данного вида прозы, а поэтому и со стороны исследователя мне кажется допустимым использовать все указанные слова для определения мифа.

Во всём мире в наибольшем объёме сохранились греческая и индийская мифология. Китайское же наследие сохранилось в отрывочном виде, не представляя собой никакой целостной системы. Существует

разделение на «мифы о сотворении мира», «героические мифы», «мифы о потопе», но сюжеты из данных категорий так или иначе пересекаются, путаются, размывая границы и разрушая хрупкую систему.

Юань Кэ в попытке объяснить причины фрагментарности сохранившихся текстовых источников ссылается на Лу Синя²² и его «Краткую историю китайской художественной прозы», в которой автор таких причин выделяет несколько.

Первая связана с географическим расположением. Как известно, населяющие бассейн реки Хуанхэ предки современных китайцев рано начали возделывать землю, значительную часть их жизнедеятельности занимала практическая деятельность. Люди жили в тяжелом каждодневном труде, для них не так были интересны размышления о чем-то фантастическом. Именно поэтому им не удалось создать единого сочинения из многочисленных древних преданий. Хотя данная позиция и является достаточно спорной, мне кажется, что она имеет право на существование.

Вторая причина связана с тем, что с появлением Конфуция основной областью знаний для изучения стала этика, семейные устои, принципы сыновней почтительности, методы управления государством. Древние же предания о божествах и духах отвергались. Таким образом, позднее, с установлением конфуцианской идеологии в качестве доминирующей, мифы стали рассматриваться как история.

Третья причина состоит в том, что у древних жителей отсутствовало четкое понимание различия между злыми и добрыми духами. С течением времени происходило смешение человеческого и божественного, т.к. души умерших могли превращаться в небесных и земных духов. Однако вытесняющие первоначальные верования новые взгляды не пользовались популярностью. Из-за этого не сохранилось ни одно, ни другое.

---

²² Лу Синь 鲁迅 (1881-1936) – китайский прозаик, эссеист, переводчик

Связанные с фрагментарностью текстов трудности усугубляются трудностями лингвистическими, объясняющимися свойствами древнекитайского языка. Главной из них, пожалуй, является обилие омонимов и «легко смешиваемых между собою иероглифов».²³ Поиск слов, смыслов становится довольно увлекательным, в то же время отнимает крайне много времени и сил. Д. Бодде приводит пример поиска нужного в каждом конкретном тексте значения иероглифа: «Иероглиф *X* в тексте *A* выглядит в тексте *B* как иероглиф *Y*; иероглиф же *Y* выглядит в тексте *C* как иероглиф *Z*; следовательно, иероглиф *X* текста *A* и иероглиф *Z* текста *C* взаимозаменяемы».²⁴ Такой концепции придерживаются многие ученые, однако при частом её применении повышается риск допущения ошибок в переводе.

Можно отметить, что ярким примером лингвистических трудностей в расшифровке мифов являются сюжеты о Нюйва 女媧 – той, что по одной из версий создала людей, и Нюйва 女娃 – той, что погибла в море и превратилась в птичку Цзинвэй 精衛. Это героини совершенно разных по содержанию историй, их имена хотя и омонимичны, но записываются разными иероглифами. Однако данных героинь мифов часто путают не только те, кто изучает культуру Китая, но и её носители.

Еще одним препятствием в трактовке древнекитайского текста является отсутствие в нём окончаний или же поясняющих слов, указывающих на род, число или время, знаков препинания. В этой связи какой-либо фрагмент текста любой исследователь может интерпретировать различными способами, каждый из которых может быть при этом грамматически верным. Однако в данном случае велика роль контекста, многие заблуждения может рассеять небольшой абзац, встретившийся позднее.

---

²³ Д. Бодде *Мифы древнего Китая* // Мифологии древнего мира. М., 1977, С. 378

²⁴ Там же, С.378

Роль института государства играет определяющую роль во всех аспектах жизни человеческого общества. Культурная её составляющая тому не исключение. Всегда получается так, что в той или иной мере оказываются политизированы и история, и искусство. В истории Китая огромное значение имеет 221 год до нашей эры, он «явился великим водоразделом древней китайской истории, потому что он увидел окончательное объединение "феодального" Китая в полностью централизованную империю».²⁵ Как известно, до этого времени страна была разделена на независимые государства, недоброжелательные и непримиримые в отношениях между собой, каждое из которых управлялось наследственными аристократическими домами и, в свою очередь, подразделялось на более мелкие владения, также возглавляемые знатными семьями. С политической точки зрения, почти все эти доимперские века охватываются временем династии Чжоу周 (1027 – 221 г. до н. э.). Последующие столетия характеризуются, напротив, закреплением новых форм централизованной империи, где чиновничья бюрократия является не наследственной, а назначается из центра. Именно она и заняла место владетельной аристократии времен Чжоу. Имперские порядки впоследствии сохранялись вплоть до XX века.

Считается, что с точки зрения культуры династия Чжоу была периодом создания великой китайской классической литературы. Что же касается периода династии Хань汉 (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.), то его

---

²⁵ Д. Бодде *Мифы древнего Китая* // Мифологии древнего мира. М., 1977, С. 378

отличает стремление систематически собирать, представлять, комментировать сочинения прошлого. До сих пор предметом дискуссий является вопрос о том, насколько ханьские ученые изменяли публикуемые тексты, добавляя к ним идеи их времени, а не описываемого. Существует версия, что ханьские ученые в определенной мере сами подделали тексты, отнесенные потом к Чжоу и более ранним временам. Естественно, что резкие отличия между двумя династиями имеются и в области мифологии. Все то, что в чжоуской литературе выступает в виде фрагментов и сильно эвгемеризировано, в ханьское время нередко так разработано, что хотя действующие лица мифов остаются теми же, но рассказы о них могут быть совершенно новыми. Ученые предполагают, что ханьские авторы часто использовали новые источники в народной передаче, что презиралось чжоускими авторами. «Выдающимся примером нового направления образного осмысления мира» Дерк Бодде называет «Шань-хай цзин»²⁶, или «Книгу гор и морей», в которой не только собственно Китай, но и области, простирающиеся до отдаленных пределов земли, населены новыми странными богами и чудовищами. Существа, встречающиеся в этой книге, настолько фантастичны и многочисленны, что возникает вопрос, действительно ли все персонажи взяты из народного творчества.

С другой стороны, мы можем часто видеть, как ханьские ученые мужественно пытаются освоить основы старой традиции, уже, по-видимому, утратившей связь с реальной жизнью. Они селятся согласовать кажущиеся расхождения, заполнить лакуны, привести в порядок (согласный с их собственными идеологическими представлениями) материал, который они уже и сами плохо понимают. Особенно резко их усилия проявляются при расхождении в мнениях, нередко встречающемся в ханьских комментариях на классиков чжоуского периода.

---

²⁶«Книга гор и морей» или «Каталог гор и морей» 山海經 — древнекитайский трактат, описывающий реальную и мифическую географию Китая и соседних земель и обитающие там создания.

Описанные выше закономерности четко прослеживаются в том, о чем ранее уже упоминал Бодде: из народного сознания постепенно исчезали древние боги в большей своей части.

Таким образом, в науке сформировалось два направления относительно мифологии Китая – историческое и социологическое. Бодде выделяет наиболее ярких представителей данных течений: Бернхарда Карлгрена²⁷ и Вольфрама Эберхарда²⁸. Согласно Карлгрону, главной причиной записи преданий древнего Китая был тот факт, что персонажей этих преданий многие знатные дома периода Чжоу считали своими предками. Учитывая культ предков, это объяснение представляется мне вполне логичным. Таким образом, о предках в культуре сохранялось живая память, чего, собственно, и желали потомки. Этот же факт объясняет то, почему герои текстов предстают «не как божества в полном смысле и не как обычные смертные, а, скорее, — если можно так выразиться — как "сверхлюди", как "культурные герои"»²⁹. Т.е. это, без сомнения, были исторические фигуры, но в то же самое время они обладали «не совсем обычными человеческими свойствами.»³⁰ Однако ситуацию опять же изменило разрушение прежнего общественного порядка в конце III в. до н. э. Культ предков знатных домов потерял свою общественную значимость, и, как следствие этого, память о старых легендах и героях стала всё дальше отделяться от живой традиции. Это и явилось почвой для невероятных переработок имеющихся текстов ханьскими авторами.

Оценивая эти легенды и героев, Карлгрен поэтому строго различает то, что он называет «свободными» текстами времени и «систематизирующие» тексты времени Хань. По этой причине Карлгрен

---

²⁷ Бернхард Карлгрен (1889-1978) – выдающийся шведский синолог-лингвист.

²⁸ Вольфрам Эберхард (1909-1989) - немецко-американский синолог.

²⁹ Д. Бодде *Мифы древнего Китая* // Мифологии древнего мира. М., 1977, С. 379

³⁰ Там же, С.379

полагает, что для изучения подлинно ранних мифов и легенд реальную ценность представляют только доханьские «свободные» тексты.

Теория Эберхарда противоположна предыдущей. Этот учёный рассматривает возникновение китайской цивилизации как результат взаимодействия различных культурных компонентов, которые в ранние времена отличались один от другого этнически и регионально. Поэтому, несмотря на явное безразличие к вопросам исторического развития, основные его интересы сосредоточены на попытках изолировать то, что он считает основными культурными составляющими. Отсюда следует, что для поставленной цели имеет ценность и указывает на пучки культурной общности как то, что записано в чжоуских текстах, так и то, что было сказано писателями на столетия, а то и на целое тысячелетие позже.

Эберхард указывает на недостатки теории Карлгрена, в частности, ошибочным он считает полагать, что большая часть существ в мифах первоначально были героями-людьми, которые лишь позднее в ряде случаев приобрели признаки богов и даже животных, поскольку это вступает в противоречие с современной этнологической и социологической теорией. «Если бы это мнение было верным, то китайская мифология была бы величайшим исключением из всего, что известно донныне в области этнологии: китайцы сначала создавали героев и только потом превращали их в богов и даже в животных!»³¹

Подчеркнуто исторический подход Карлгрена действительно кажется несколько замкнутым, догматичным, если можно так выразиться. Он либо принимает, либо отвергает какой-либо текст только по принципу даты его написания – до или после того самого 221 г. до н. э. Получается, что автор данной теории совершенно не учитывает детали, присущие каждому конкретному литературному памятнику. Кроме того, возможно, что его

---

³¹ Цит. по Д. Бодде *Мифы древнего Китая* // Мифологии древнего мира. М., 1977, С. 380

жесткий подход не принимает во внимание возможности устойчивости или повторяемости одного и того же мотива в течение очень долгого времени.

С другой стороны, когда Эберхард использует для реконструкции какого-либо мифа данные, слишком далеко отстоящие друг от друга (что противоречит его главному устремлению; изолировать пучки устойчивых культурных компонентов), это явно таит в себе опасность. Эберхард, несомненно, прав в своем утверждении, что «миф, упомянутый только в поздних текстах, может быть представлен в форме, отражающей очень раннюю стадию развития». Тем не менее, сам же он далее оговаривается: «Конечно, мы должны применять этот метод лишь в единичных случаях»³². К несчастью, доказательства, приводимые последователями этой методологии, ни в коем случае не могут считаться убедительными, а иногда у них даже и нет серьезных доводов. В ряде случаев они и в самом деле не имеют возможности ничего реально доказать по той причине, что имеющиеся данные сами по себе делают это неосуществимым.

---

³² Д. Бодде *Мифы древнего Китая* // Мифологии древнего мира. М., 1977, С. 380

Глава 2. ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

2.1 Нюйва

Нюйва 女媧 – не будет преувеличением заявить, что это один из самых известных персонажей традиционной китайской мифологии, «архаическое женское божество»³³.

В более ранних исследовательских работах, посвященных мифологии, акцент делается на происхождении, описании образа конкретного персонажа, его действий и функций. Так, профессор Юань Кэ пишет, что в раннем китайском словаре иероглиф «Ва 媧 – это женщина-дух, в давние времена сотворившая все вещи в мире»³⁴. Внешний облик Нюйва вариативен в разных источниках, однако общим является то, что верхняя часть тела данного персонажа является женской, хотя в некоторых описаниях у неё присутствует «голова быка»³⁵. Традиционно Нюйва изображалась как «полуженщина-полузмея или полудракон»³⁶, но уже в иллюстрациях XX века, а в особенности последних десятилетий, можно проследить эволюцию данного образа и встретить изображение Нюйва как прекрасной молодой девушки (например, сейчас данный персонаж популярен в компьютерных играх).

Нюйва была наделена уникальной божественной силой, согласно некоторым трактовкам она принимала непосредственное участие в создании людей и животных. Существуют различные варианты мифа о

---

³³Б.Л.Рифтин Нюйва //Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. Лит., 2006. Т. 2. Мифология. Религия / 2007. 869 с. С. 538

³⁴ Юань Кэ Мифы Древнего Китая, стр. 21

³⁵ Б.Л.Рифтин Нюйва //Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т.2, С.538

³⁶ Там же, С. 538

Нюйва. По одной из версий она породила людей как «бесформенную, нерасчленённую массу»³⁷, при этом ей помогали другие мифические персонажи.

«В те времена, когда земля отделилась от неба, на ней еще не было людей, и поэтому мир был пустынен и безмолвен. По этой безмолвной земле бродил великий дух – Нюйва. В сердце своём она ощущала необычайное одиночество и понимала, что, для того, чтобы оживить землю, необходимо что-то еще сотворить».³⁸ В интерпретации Юань Кэ Нюйва – это страдающее одинокое существо, которое решает создать людей для того, чтобы земля не была более пустынной, словно покинутой и оставленной.

Первого человека – «некто вроде маленькой девочки»³⁹ – Нюйва слепила из желтой глины, глядя на своё собственное отражение в воде. Таким же образом позже она вылепила множество людей обоего пола. Также считается, что для облегчения своего труда Нюйва смачивала в воде веревку, окунала в глину и трясла ею. Таким образом и появлялось много новых людей. Юань Кэ называет Нюйва «первой свахой»⁴⁰, т.к. принято считать, что она установила форму брака для людей, соединив мужчин и женщин, чтобы они могли самостоятельно продолжать человеческий род.

Не менее известен сюжет о том, как Нюйва чинит небосвод. Будучи увлеченной созданием людей, она не заметила, что на небе образовалось большое отверстие, из-за чего мир погрузился во тьму и люди гибли от наводнения. Однако Нюйва нашла способ спасти человечество и возвратила миропорядок. Такой термин, как «концепция порядка» и связь его именно с Нюйва можно найти и у Марка Эдварда Льюиса в его книге «The Flood Myths of Early China»: «Ранние китайские идеи о концепции

---

³⁷ Б.Л.Рифтин Нюйва //Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т.2, С.538

³⁸ Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С. 21

³⁹ Там же, С. 21

⁴⁰ Там же, С. 21

порядка человечеству были даны в повествовательной форме в виде серии рассказов, посвященных спасению мира и его обитателей от хаоса всемирного потопа. В рассказах, в первую очередь, фигурирует Юй, хотя отдельные из них усматривают важное значение в преодолении потопа подвигов Нюйва»⁴¹.

Починив небо, Нюйва очень радовалась тому, что теперь её творение, человечество, спасено от катастрофы и бедствий, в мире установились гармония и порядок, люди жили счастливо и в достатке: «к этому времени часть диких зверей давно уже погибла, а те, что остались, были постепенно приручены и стали друзьями человека. Наступила счастливая жизнь, без печалей и забот; стоило только захотеть – и через мгновение у человека была лошадь или бык»⁴². В связи с этим Нюйва подарила людям музыкальный инструмент – шэн, который, по своей сути, является маленьким духовым органом. Его можно определить, как один из инструментов семейства гармоник, духовой язычковый музыкальный инструмент. Юань Кэ указывает на тот факт, что шэн и в XX веке «используется народами мяо»⁴³ (изменился только материал, тыквогорлянка заменена выдолбленным деревом) и воспринимается как дар от Нюйва, которую почитают еще и как богиню музыки.

Рассказ о Нюйва открывает практически все современные справочники по китайской мифологии, изданные как, собственно, в Китае, так и других странах. Такие современные научно-популярные энциклопедии имеют схожую структуру: сначала читателю предлагается текст истории, а после – комментарий, объясняющий смысл вышесказанного. Стоит отметить, что в отличие от более ранних работ, например, ставшего классическим труда профессора Юань Кэ, современные исследования являются более категоричными в суждениях,

---

⁴¹ Lewis, Mark Edward. The Flood Myths of Early China - NY, 2006, p.144

⁴² Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С. 21

⁴³ Мяо 苗 – группа народов в южном Китае

более однозначными в выводах. Также в некоторой степени уменьшается политизация трактовки того или иного сюжета. Нельзя утверждать, что данный феномен уходит на второй план: литература, направленная на массового читателя по-прежнему остается инструментом власти, однако появляются и другие акценты, к которым авторы статей привлекают внимание.

В одной из таких китайских книг, описывающей историю традиционной китайской мифологии – Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй) – автор комментария к тексту мифа, вслед за исследователями-предшественниками, указывает на то, что миф о Нюйва делится на две основные части – о том, как Нюйва создает людей и о том, как Нюйва чинит небо. Обе истории по праву названы им «основополагающей культурной ценностью китайского народа».⁴⁴ Образ Нюйва в данной трактовке – однозначно женский, более того, автор связывает главенствующее положение в семье женщины именно с тем, что в культуре укоренился образ Нюйва – матушки-прародительницы. Также исследователь отмечает, что в современном Китае практически в каждом населенном пункте можно встретить храм или кумирню или еще какое-либо место культово-религиозного характера, посвященное Нюйва. Современные китайцы поклоняются богине, которая создала их, защитила от хищных зверей, от природных катаклизмов. Нюйва сегодня является выражением бескорыстной любви в мире, которая не знает личной выгоды (大愛 даай)⁴⁵. В тексте мифа особое внимание уделяется эпизоду, когда Нюйва была совершенно одинока, вокруг неё бушевала стихия, однако она смогла преодолеть испытания и проявить свой неукротимый дух.

---

⁴⁴ Чжунго вэньхуа гайлунь 中国文化概论 (Введение в культуру Китая), Пекин, 2014, С. 14

⁴⁵ Цит.по Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), Пекин, 2015, С. 17

Интересно обратить внимание на тот факт, что в китайском языке сложилось устойчивое выражение 頂天立地 (*ди тянь лиди*), которое дословно переводится как «подпирать головой небо» и пришло как раз из текста истории о богине-создательнице людей, а образно используется как прилагательное со значением «могущественный, сильный, крепкий». Именно так определяет характер Нюйва автор комментария к мифу из рассматриваемого сборника. А образ героини, обладающей таким качеством, присущим настоящим героям, вполне закономерно закрепился в культуре как символ несгибаемости китайского народа, который не сломить никакими трудностями и невзгодами.

2.2 Стрелок И и его жена Чанъэ

Хоу И 後羿 – персонаж древнекитайской мифологии, «сын верховного божества Ди Цюня»⁴⁶. Был «послан на землю для избавления людей от стихийных бедствий и очищения земли от чудовищ»⁴⁷. В этом аспекте его можно сравнить с Нюйва, которая, как было упомянуто выше, также являлась спасительницей человечества от природных аномалий. Тот факт, что герои, на первый взгляд, имеющие мало общего, играют схожие роли, наталкивает на размышления о необходимости в рассматриваемой культуре таковых. Люди с древних времен подвергались губительному воздействию стихии, и в большей степени негативный эффект проявлялся не в физическом уроне после какого-либо стихийного бедствия, а в невозможности самим объяснить происходящее, поэтому в обществе могла существовать потребность в образе, символизирующем победу над трудностями, приносящем в повседневность упорядоченность, организованность и размеренность жизни. Можно заметить, что именно доминирование такой мифологемы с главными действующими лицами-лидерами, которые будут в определенный момент посланы свыше и приведут к благополучию и миропорядку как, например, Нюйва и Хоу И, как раз и обуславливает восприимчивость (или даже предрасположенность) китайского народа к построению национального сознания, всецело следующего за идеологией государственной власти. Вероятно, в XX веке, в момент смены парадигмы власти, когда устанавливался авторитет Коммунистической Партии, руководители пользовались этой особенностью мышления населения страны, чтобы

---

⁴⁶ Б.Л. Рифтин Хоу И //Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006. Т. 2. Мифология. Религия / 2007. 869 с., С. 463

Ди Цюнь 地儁 – в древнекитайской мифологии верховный владыка, почитавшийся восточными иньцами

⁴⁷ Там же, С. 463

установить своё господство. Подтверждение данного предположения о роли мифологического мышления в современном сознании можно найти в таком достаточно авторитетном источнике, как сочинение Н. А. Спешнева «Китайцы. Особенности национальной психологии». Автор в своих рассуждениях отсылает читателя к теории Вильгельма Вундта⁴⁸, который, в свою очередь, идентифицирует чувства с мифами: «Народная душа есть связь психологических явлений, совокупное содержание душевных переживаний, общие представления, чувствования и стремления. Ее следует изучать методом анализа конкретно-исторических продуктов народов: языка, мифов, обычаев, составляющих основные области народной психологии. По мнению Вундта, язык идентичен уму (представлениям), мифы – чувствам, обычаи – воле в индивидуальной психологии. Он провел четкую грань между психологией народной (социальной) и индивидуальной. Вундт определил исторический характер коллективного сознания»⁴⁹. Таким образом, доказывається важность изучения мифологических сюжетов и их проявление через тысячелетия как инструмента для управления национальным сознанием.

Однако вернемся к образу Хоу И: герой известен как искусный стрелок из лука, согласно древним текстам его левая рука была длиннее правой, что и давало ему значительное превосходство над другими в искусстве стрельбы из данного вида оружия.

Легенда гласит⁵⁰, что в далекие времена на небе сразу появилось десять солнц. Это случилось из-за того, что солнца ослушались установленного порядка, согласно которому их отец – небесный владыка Ди Цзюнь – строго следил за тем, чтобы солнца восходили на небо по

---

⁴⁸ Вильгельм Максимилиан Вундт (1832-1920) — немецкий врач, физиолог и психолог, известен как основатель экспериментальной психологии.

⁴⁹ Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. - СПб.: Каро, 2012. 336 с., С. 8

⁵⁰ Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С.75

очереди, каждое в свой день. Данный сюжет можно рассматривать как пример того, что нарушение закрепленных правил миропорядка может привести к глобальной катастрофе. Вероятно, именно устойчивость такого мотива в культуре во многом определяет повседневность современных жителей Китая: если рассматривать образ жизни среднестатистического китайца (школьника, студента, служащего), то можно проследить четкое следование режиму дня и определенному порядку выполнения тех или иных действий. Минимальное отклонение от установленных порядков влечет за собой цепочку событий, которые не вписываются в систему, а поэтому могут понести какие-либо негативные последствия – именно боязнь такого развития событий определяет ритм жизни китайца – нужно следовать расписанию.

Согласно тексту истории о Хоу И однажды утром солнца поднялись из-за горизонта все вместе, что мгновенно привело к засухе, гибели урожая, голоду людей. Главный герой мифа выступил спасителем, меткими выстрелами поразил девять солнц из десяти, тем самым вернув привычное течение жизни назад.

Также в древних текстах сообщается, что затем И убил некоторых чудовищ и свирепых хищных животных в разных регионах, а точнее «красного быка-людоеда *я-юя* с человеческим лицом и лошадиными копытами (по др. версии, с головой дракона и когтями тигра). На юге, в пустоши Чоухуа, И убил чудовище *цзо-чи* ("клык-бурав"), на севере, у реки Сюншуй, — девятиголового зверя, изрыгавшего огонь и воду, у озера Цинцю — свирепую птицу *да-фэн* ("большой ветер"), которая могла подымать ураган и разрушать человеческие жилища, а на озере Дунтинху — могучего удава-людоеда *ба-шэ*; в Санлине ("тутовый лес") И поймал свирепого кабана *фэн-си*, пожиравшего людей и скот»⁵¹. Юань Кэ подает данный фрагмент как пример того, что невыполнение приказов вышестоящих органов и проявление самоуправства повлечет за собой

---

⁵¹ Б.Л. Рифтин Хоу И // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т., Т. 2, С. 463

негативные последствия – в силу того, что все эти действия не были согласованы и одобрены верховным божеством, а также владыка не мог простить И гибели своих сыновей, его ожидало наказание – правитель пришел в ярость и «лишил его и его жену Чаньэ嫦娥божественного сана»⁵². Считается, что тогда И отправился на гору к Си-ван-му⁵³ за снадобьем бессмертия. Она дала ему лекарство с указанием, что «если содержимое сосуда выпьет один человек, то он станет богом, а если двое, то они обретут бессмертие»⁵⁴. Хоу И отдал сосуд с эликсиром на хранение жене, однако ему было не суждено воспользоваться им, потому что Чаньэ тайком сама приняла снадобье и улетела на луну. По одной из версий, И навсегда остался на земле и впоследствии был убит своими слугами, которых подговорил его лучший ученик стрелок Пан Мэн⁵⁵. Существуют также гипотезы, намекающие, что И погиб от собственного же оружия: «В "Хуайнань-цзы" (цз. 14) приведено загадочное свидетельство о «смерти И от персиковой палки (*тао бан* 桃楮)»⁵⁶. Что же касается Чаньэ, то по одной из версий она превратилась в жабу, еще по одной – осталась в прежнем облики, однако за свой эгоизм и самодовольство была наказана вечным одиночеством.

Интересно отметить, что в современной литературе, посвященной мифологии Китая, история о Хоу И, в основном, не выделяется отдельным самостоятельным сюжетом, а повествуется в контексте истории о Чаньэ под названием «Чаньэ улетает на луну» (嫦娥奔月 *Чаньэ бэн юэ*). Стоит также отметить, что уже само название истории породило два

---

⁵² Там же, С. 463

⁵³ Си-ван-му西王母 – женский персонаж древнекитайской мифологии, обладательница снадобья бессмертия, богиня страны мертвых.

⁵⁴ Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С. 76

⁵⁵ Пан Мэн 逢蒙 – знаменитый стрелок древности

⁵⁶ Б.Л. Рифтин Хоу И // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т., Т. 2, С. 464

самостоятельных культурных феномена: имя собственное – Чаньэ 嫦娥 – в китайском языке стало синонимом к слову «красавица», а выражение «убежать на луну» (奔月 бэн юэ) образно обозначает «достичь бессмертия», являясь при этом прямой отсылкой к событиям мифа.

На данном этапе развития культуры китайского народа не менее популярной и востребованной, чем героический мотив подвига стрелка И, оказывается «прекрасная, чудесная»⁵⁷ история о Чаньэ. Исходя из анализа комментария к мифу в одном из современных справочников, где рассказ о Чаньэ обозначается как «мечтательная история, которая выражает прекрасные устремления людей»⁵⁸ и «демонстрирует ожидания простого народа о честности, равенстве, справедливости и счастье»⁵⁹, можно предположить, что история о богине, достигшей бессмертия и улетевшей на луну, способна оказать большее влияние на людей, чем сюжет одного из множества героических мифов, похожих по своей структуре. К рассказу о Чаньэ люди могут оказаться более восприимчивы, и этот миф естественным образом станет более действенным инструментом в формировании идеологически верного с точки зрения правящей власти сознания населения.

Подтверждение данного предположения можно найти в тексте справочника по мифологии: «Китайский народ – это выдающаяся нация, креативная, строящая счастливое общество, китайский народ претворяет в жизнь идеалы, заложенные еще в древней мифологии»⁶⁰ – так комментирует миф о Чаньэ современный китайский исследователь, автор делает акцент на том, что основные идеи и концепции, которые складываются в современном китайском обществе, построены на сюжетах

---

⁵⁷ Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), Пекин, 2015, С. 24

⁵⁸ Там же, С. 24

⁵⁹ Там же, С. 24-25

⁶⁰ Там же, С. 25

древности, то есть на мотивах, укоренившихся в сознании с давних пор и являющихся авторитетными с точки зрения морали и ценностных ориентиров. Завершает свою мысль автор словами о том, что «лидер Коммунистической Партии Китая вместе с трудовым народом – сыновьями и дочерьми Китая способны осуществить лучшие начинания, описанные в традиционной мифологии в целом и в мифе о Чаньэ в частности»⁶¹.

В традиции Хоу И сохранился как почитаемое божество, отгоняющее различную нечисть. Память о Чаньэ, в первую очередь, осталась в Празднике середины осени⁶². Этот праздник во многом посвящен именно Чаньэ, ей возжигаются благовония и приносятся дары. По некоторым поверьям, именно в этот день, единственный в году, она встречается со своим мужем, и от этого Луна становится наиболее яркой. Считается, что по своей значимости этот праздник уступает только Китайскому Новому году, знаменуя собой середину годичного цикла в представлении народов Восточной Азии. А это свидетельствует о том, что данный мифологический сюжет крепко закрепился в культурном сознании китайского народа и активно им используется.

Также доказательством того, что мифологическое мышление в определенной мере пронизывает все сферы китайского общества, является тот факт, что именем Чаньэ названа Лунная программа Китая по исследованиям поверхности Луны, начатая в конце XX века. Имя богини Луны также можно увидеть на китайских спутниках – «Чаньэ-1»⁶³, «Чаньэ-2»⁶⁴ и др. Мне кажется любопытным отметить, что семейство

---

⁶¹ Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), Пекин, 2015, С. 25

⁶² Праздник середины осени (中秋節 *чжунцюцзе*)- национальный праздник Китая, отмечается (15 числа 8-го месяца по лунному календарю)

⁶³ Чаньэ-1 嫦娥一號 *Чаньэ ихао* - китайский спутник, запущен на орбиту 24.10.2007.

⁶⁴ Чаньэ-2 嫦娥二號 *Чаньэ эрхао* - второй китайский спутник зондирования Луны, запущен 01.10.2010.

ракет-носителей этих спутников имеет название «Великий поход»⁶⁵ – в честь легендарного похода армии китайских коммунистов, данный факт также является показателем того, насколько гармонично могут сосуществовать и постоянно переплетаться глубокая древность и современность.

2.3 Великий Юй

Среди наследия китайской мифологии особое место занимают мифы, повествующие об укрощении Великого потопа. Сюжеты о создании упорядоченного мира из хаоса обеспечивают богатую почву для размышлений о природе и компонентах человеческого общества. В этих историях рассмотрены различные аспекты жизни общества, что обеспечивает им широкое распространение в культуре и множество интерпретаций.

Сюжет о наводнении является наиболее ранним среди всех мифологических сюжетов, и о его существовании имеют представление все современные китайцы. Популярным этот мотив был с древних времен и остается в современности. Впервые он упоминается в сочинениях начала династии Чжоу («Шу цзин» и «Ши цзин», или «Книга поэзии»). Самый распространенный вариант данного мифа включает в себя в качестве главных действующих лиц Юя и его отца Гуня.

Юй 禹 (Великий Юй) – герой древнекитайской мифологии, усмиритель потопа. Считается, что его культ сложился в бассейне р. Янцзы, т.к. многие деяния Юя связаны с различными местностями в современных провинциях Чжэцзян 浙江 и Сычуань 四川. «Есть основания

---

⁶⁵ Великий поход 長征 Чанчжэн - стратегическое перебазирование основных сил Красной армии Китая в 1934-1936 гг из революционных баз, находившихся к югу и северу от р. Янцзы в Яньаньский округ провинции Шэньси.

полагать, что этимологически имя Юй имеет отношение к земноводным существам».⁶⁶

Наиболее известное деяние Юя – это усмирение потопа. «Во времена Яо⁶⁷ воды потопа разлились до небес, они на неоглядных пространствах окружили горы и залили холмы, и народ, живший в низинах, пребывал из-за этого в печали».⁶⁸ В связи с этим императору было необходимо найти человека, способного побороть стихию. Ближайшее окружение советовало обратиться к Гуню, но Яо возражал, потому что знал его сложный характер. Но других годных кандидатур не нашлось, и Яо согласился с приближенными. Однако усмирить потоп Гуню так и не удалось. Неудачу в этом начинании Юань Кэ связывает с личными качествами Гуня – они не соответствовали идеалам положительного героя, способного спасти мир от неминуемой гибели. «Характер у Гуня был дурной, поступки его были безрассудны и он не знал, с чего начать»⁶⁹. В конце концов, Гунь потерпел неудачу, за что был наказан правителем: «Яо (некоторые считают, что Шунь) казнил Гуня на Горе птичьих перьев – Юйшань».⁷⁰ После этих событий задача усмирения стихии встала перед Юем.

---

⁶⁶Б.Л. Рифтин Юй // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 – . Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. - 2007. - 869 с., С. 760

⁶⁷ Яо (堯, trad. 2353 год до н. э. — 2234 год до н. э.) — легендарный император, предположительно 4-й из «Пяти Древних Императоров»

⁶⁸ Исторические записки (Ши цзи). Т. I. Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общей редакцией Р.В.Вяткина. Вступит, ст. М.В.Крюкова. Издание второе, исправленное и дополненное. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001, С. 150

⁶⁹Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С. 78

⁷⁰ Там же, С. 78

В «Исторических записках» Сыма Цянь⁷¹ даёт достаточно исчерпывающую характеристику не только деяний, реформ Юя, но и весьма подробно описывает его самого, рисуя положительный образ народного героя. В этом плане, наверное, можно сравнить Юя с уже охарактеризованными Нюйвой и Хоу И. Снова перед нами сюжет, в котором главный герой обладает выдающимися качествами. Сыма Цянь пишет, что Юю были присущи острый ум, усердие, добродетель и человеколюбие, окружающие верили его речам. «Голос [Юя] служил основой тонов, тело его служило основой мер длины и мер веса. [Юй был] неутомимым в делах, сохранял величественный вид и служил [для всех] образцом и примером».⁷²

Огорченный неудачами отца в покорении стихии, он все свои силы отдавал на то, чтобы порученное ему важное дело увенчалось успехом. Юй скромно одевался, питался простой пищей, проживал в бедном доме, при этом ничего не жалел для устройства каналов и рвов. Ответственность, самоотдача и верность своему делу поистине заслуживают уважения. Юй понимал, что выполнение такой глобальной задачи, как спасение страны от потопа невозможно без качественного улучшения жизни населения в целом. Он внимательно фиксировал изменения в природе в разные времена года. Создал девять областей, проложил девять дорог, оградил насыпями девять озер, измерил высоту девяти горных хребтов. Важным вопросом было достаточное количество пищи у населения страны. Юй приказал выдать народу рис с условием сеять его в низких и сырых местах. Также велел выдать народу трудно добываемую пищу. Важно отметить, что одним из приказов Юя было перераспределение излишков продуктов, для снабжения пищей всех и уравнивания положения владетельных князей. Также он следил за состоянием земель, их

---

⁷¹ Сыма Цянь 司馬遷 (145(135?) — 86(85?) гг. до н. э) — известный древнекитайский историк, автор «Исторических записок» (史記 *шицзи*).

⁷² Исторические записки (Ши цзи). Т. I., С. 151

производительностью, дабы установить подношения правителю, ознакомиться с удобствами, преподносимыми собственно реками и горами.

Юй объехал всё государство, лично осмотрел все владения и оценил, какие предметы разные области в состоянии преподносить. «Так, в девяти областях установился единый порядок. Во всех четырех сторонах стали жить [люди], на девяти горах были прорублены дороги, русла девяти рек прочищены, девять озер ограждены, и все в пределах четырех морей слилось воедино. Шесть управлений были хорошо налажены, [качество] всех земель определено правильно, и тем достигнута осмотрительность в [определении] податей на все богатства, во всех случаях подати взимались соответственно трем категориям полей».⁷³

Император признал заслуги Юя и представил его Небу как своего преемника, Юй взошел на престол и стал основателем династии Ся. Его атрибутами считались уровень и веревка, всегда находившиеся у него слева, а также циркуль и угольник, находившиеся справа.

Необходимо отметить, что миф о том, как Юй усмирил потоп, записан в формате исторической хроники, поэтому события, о которых в нем повествуется, воспринимаются китайцами как вполне реальные. На примере данного сюжета наиболее ярко можно увидеть проблему эвгемерезации китайской традиционной мифологии.

Современные исследователи характеризуют данный миф как «хорошо известный каждому»,⁷⁴ и это действительно так. Сюжет слышали, наверное, все жители современного Китая, он «широко используется в культуре»⁷⁵ – китайский народ хранит память о подвиге Великого Юя, потомки повсеместно почитают его как «божество Юй»⁷⁶ 禹神. Китайцы

---

⁷³ Исторические записки (Ши цзи). Т. I., С. 157

⁷⁴ Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), Пекин, 2015, С. 37

⁷⁵ Там же, С. 37

⁷⁶ Там же, С. 37

очень ценят не только сам подвиг, но и то, каким образом Юю удалось усмирить стихию: в процессе преодоления потопа он «действовал в соответствии с обстоятельствами»,⁷⁷ не подвергся панике, прошел через суровые испытания и смог достичь успеха. Некоторые исследователи называют Великого Юя символом⁷⁸ того, как китайский народ способен преодолевать трудности, символом ума, смекалки, смелости и решительности. Автор комментариев к мифу в сборнике Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй) рассуждает о том, что хотя в настоящее время нет необходимости использовать методы Юя по усмирению потопа, в случае возникновения каких-либо трудных ситуаций или катаклизмов природного или социального характера, китайский народ сможет возродить в себе героический дух Великого Юя и благодаря своему усердию выйдет победителем из любого сложного положения⁷⁹.

---

⁷⁷ Там же, С. 37

⁷⁸ Там же, С. 37

⁷⁹ Там же, С. 37

2.4 Цзинвэй

Сюжет о Цзинвэй精衛 снова отсылает нас к мифам о сотворении мира. Считается, что через неопределенное время после смерти Нюйва 女媧 на земле появился «великий Яньди炎帝 – бог солнца»⁸⁰. В традиции сохранились легенды, согласно которым Яньди являлся милосердным правителем южной части Поднебесной, сделал очень много «гуманных деяний»⁸¹, и был даже в большей степени уважаем народом, чем Хуанди⁸², считающийся его единоутробным братом.

Согласно легенде⁸³, у Яньди было три дочери, «судьбы их были совершенно различными»,⁸⁴ одной из них и является Цзинвэй. История о ней – это история о стойкости духа, о том, что не нужно сдаваться. При этом она покоряет читателей трогательностью повествования.

Нюйва 女娃 – так звали одну из дочерей Яньди (в традиции её часто путают с богиней Нюйва, о которой речь шла ранее, имена омонимичны, однако для их записи используются разные иероглифы) однажды села на небольшую лодку и отправилась на морскую прогулку. Внезапно на море поднялся сильный ветер, лодка с Нюйва разбилась о скалы и девушка погибла. Как бы ни горевал Яньди о своей дочери, он ничего не мог поделаться, и ему «оставалось лишь горевать по ней».⁸⁵ А сама Нюйва «не была готова умирать»⁸⁶, поэтому её душа переселилась в маленькую

---

⁸⁰ Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С.26

⁸¹ Там же, С.26

⁸² Хуанди黃帝 – Желтый император

⁸³ Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С.26

⁸⁴ Там же, С.26

⁸⁵ Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), Пекин, 2015, С.18

⁸⁶ Там же, С.18

птичку, которую звали Цзинвэй. несколько напоминавшую по своему облику ворона. Описания внешнего вида Цзинвэй в разных вариантах мифа примерно одинаковы: она напоминала ворону, «у неё была пёстрая голова, белый клюв, красные лапки»⁸⁷. Проживала она на «северных склонах горы Фацзюшань 发鸠山»⁸⁸.

Цзинвэй горевала из-за того, что её жизнь оборвалась столько внезапно, она обвиняла силы природы в случившемся и, вероятно, хотела наказать морскую стихию или же предотвратить подобные ситуации в будущем с кем-нибудь другим, поэтому «постоянно приносила маленькие камешки и веточки с Западных гор и бросала их, надеясь засыпать огромное море».⁸⁹ Юань Кэ в своей работе восхищается характером Цзинвэй, её терпением и выдержкой. Несмотря на то, что она следовала довольно наивной цели, она была готова её достичь несмотря ни на что. «Подумать только, какая трогательная стойкость была у маленькой птички, стремившейся засыпать бушующее море, сбрасывая в него с небесной высоты маленькие веточки или камешки! Какое сердце не тронет образ столь безвременно погибшей девушки, кого не восхитит её наивное и непреклонное упорство!»⁹⁰ Можно утверждать, что Цзинвэй оправдывает своё происхождение и ей «действительно не стыдно называться дочерью бога солнца».⁹¹

Интересно отметить, что и Юань Кэ, и авторы современных комментариев к мифу о Цзинвэй, в качестве доказательства популярности

---

⁸⁷ Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С. 30

⁸⁸ Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), Пекин, 2015, С. 18

⁸⁹ Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С.31

⁹⁰ Там же, С.31

⁹¹ Там же, С.32

сюжета приводят в пример стихи поэта эпохи Цзинь⁹² Тао Юаньмина⁹³. В статье из сборника Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй) сказано, что «и в те времена [в эпоху Цзинь] легенда была широко распространена, и вдохновляла людей в любом начинании бороться до конца».⁹⁴

В стихотворении Тао Юаньмина есть строки «Цзинвэй в клюве носит веточки, чтобы засыпать безбрежное море»⁹⁵ – автор противопоставляет маленькую птичку и море, чтобы передать, насколько он скорбит о её судьбе и одновременно преклоняется перед её трудом.

Существуют истории, согласно которым Цзинвэй «на берегу моря сочеталась браком с буревестником. Их потомки женского пола были похожи на Цзинвэй, а мужского - на буревестника. И по сей день в Восточном море указывают место, где Цзинвэй дала клятву не пить воду там, где когда-то утонула Нюйва».⁹⁶ Поэтому Цзинвэй является также и символом честности, верности своему слову. И сейчас китайцы часто называют её Шиняо 誓鳥 (ши – «клятва») или Чжиняо 志 (чжи – воля).

В 2010 году на церемонии открытия всемирной выставки ЭКСПО в Шанхае был представлен танец, посвященный истории птички Цзинвэй. Выставка 2010 года была посвящена моделированию городов будущего – обсуждались проблемы, которые касались загрязнения окружающей среды, сокращения потребления ресурсов планеты и т.д. Мне кажется, что использование в качестве основы творческого выступления мотива глубокой древности на мероприятии, посвященном вопросам, связанным с

---

⁹² Цзинь – династия Восточная Цзинь 東晉 317-420 гг.

⁹³ Тао Юаньмин 陶淵明 (365-427 гг) - китайский поэт

⁹⁴ Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), С.19

⁹⁵ Цит.по Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С.31

⁹⁶ Там же, С.32

построением современного общества, является еще одним доказательством того, что история о маленькой птичке, верной поставленным целям, живет в культуре и трансформируется. Но одновременно с этим выбор сюжета для открытия данной выставки может показаться довольно спорным, ведь словосочетание, используемое в названии мифа – «засыпать море» (填海 *тяньхай*) – стало устойчивым выражением, обозначающим «неосуществимую мечту». Но ведь города будущего строятся уже сейчас, и это вовсе не является какой-либо нереальной идеей.

В качестве доказательства того, что миф о Цзинвэй «обладает жизненной энергией»⁹⁷ автор комментария к истории пишет о том, что в 2013 году сюжет о Цзинвэй стал основой одного из выступлений в «одной из самых популярных передач»⁹⁸ «Талантливый и эрудированный» (满腹经纶 *маньфу цзинлу*).

---

⁹⁷ Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), Пекин, 2015, С.19

⁹⁸ Там же, С.19

2.5 Волопас и ткачиха

История волопаса и ткачихи – пример того, что в памяти китайского народа фиксируются не только мифы о сотворении мира, о героях древности, но и романтические истории, повествующие о человеческих взаимоотношениях. Б.Л. Рифтин пишет о том, что «в поздних версиях сюжет разрабатывается в духе волшебной сказки»⁹⁹, стоит отметить, что и в современных трактовках данная тенденция сохраняется.

Вопрос о происхождении Чжинюй織女 – главной героини мифа – является открытым. По одной из версий ткачиха «была внучкой небесного императора»¹⁰⁰, по другой – она «была внучкой матушки Ванму»¹⁰¹. Однако исследователи, в том числе и Юань Кэ, указывают на то, что этот вопрос не столь важен. Известно, что Чжинюй жила «на восточном берегу Серебряной реки, Млечного Пути, и ткала на станке красивые слоистые облака из удивительного волшебного шёлка»¹⁰². Считается, что помимо Чжинюй ткацким делом занимались так же и её сёстры, однако в традиции Чжинюй осталась как «самая усердная, самая трудолюбивая из них»¹⁰³.

Прекрасному миру, в котором жила ткачиха, противопоставляется мир людей, который располагался на другом берегу Серебряной реки. В этом мире главным героем является Нюлан牛郎 – пастух, которого все называли Волопас. Образ Нюлана – это пример того, какой семья быть не должна. В современных исследовательских работах авторы акцентируют своё внимание на том, насколько тяжела была судьба Нюлана: после

---

⁹⁹ Рифтин Б.Л. Волопас и Ткачиха // Китайские народные сказки. М., 1972, с. 294–303, С.297

¹⁰⁰ Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С.56

¹⁰¹ Там же, С.56

¹⁰² Там же, С.56

¹⁰³ Там же, С.57

кончины родителей он терпел «плохое отношение»¹⁰⁴ со стороны родственников, однако он «никогда не жаловался»¹⁰⁵, «упорно трудился»¹⁰⁶ и поддерживал крепкие дружеские связи со своими товарищами по работе. Нюлан считается «символом чувства глубокой любви к труду среди крестьян»¹⁰⁷.

Трудолюбие и упорство, а также помощь старого вола, обеспечили юноше возможность наладить самостоятельный быт, стать независимым, хотя и совсем не богатым человеком. Но Нюлана тяготило одиночество – «в холодном доме не было никого»¹⁰⁸. Однажды вол внезапно заговорил с юношей и рассказал ему о ткачихе, которая живет на другом берегу реки и часто ходит купаться. Вол «велел в это время подкрасться и унести её одежду, сказав, что тогда он сможет сделать её своей женой»¹⁰⁹. Молодой человек послушал вола, и всё случилось именно так, как тот предсказал.

Нюлан и Чжинюй поженились, их брак был гармоничен. В китайском языке сложилось выражение 男耕女织 *наньгэн нюйчжи*, что дословно переводится как «мужчины пахут, женщины ткут», то есть говорит о разделении мужского и женского труда. Именно этот аспект семейной жизни указан в современной комментарии к мифу как ключевой с точки зрения счастливой семейной жизни¹¹⁰. Однако счастье молодых супругов, у которых родились сын и дочь, было недолгим. Родители Чжинюй считали недопустимым, чтобы их дочь жила в мире людей, поэтому приказали

---

¹⁰⁴ Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), Пекин, 2015, С.62

¹⁰⁵ Там же, С.62

¹⁰⁶ Там же, С.62

¹⁰⁷ Там же, С.63

¹⁰⁸ Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С.59

¹⁰⁹ Там же, С.59

¹¹⁰ Цит.по Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), Пекин, 2015, С.63

одному из богов «схватить Чжинюй и привести её в небесный дворец»¹¹¹. Таким образом, Нюлан остался один с детьми, и как бы они не Чжинюй не пытались воссоединиться, всегда встречали сопротивление и преграды.

Во время одной из попыток Нюлана с детьми перебраться на другой берег реки, дочь предложила отчаявшемуся отцу способ преодоления реки – использовать черпак для навоза, который был взят ими с собой для того, чтобы корзинки с детьми, мальчиком и девочкой, были уравновешены, чтобы вычерпать воду из реки и перейти её. Отец прислушался к своей маленькой дочери и поступил так, как она посоветовала. Этот фрагмент является примером сплоченности семьи, взаимной любви родителей и детей. Именно такие теплые взаимоотношения в семье Волопаса тронули сердца родителей Чжинюй, и они позволили супругам встречаться один раз в году – в седьмой день седьмой луны.

С давних времен и до сегодняшнего момента этот день в Китае является праздником всех влюбленных. Несмотря на то, что западный его аналог – День святого Валентина – крайне популярен во всём мире, и Китай не является исключением, большее внимание среди китайцев вызывает именно традиционный праздник, потому как «каждый китаец когда-либо слышал историю о Волопase и ткачихе и был очень тронут»¹¹². «Скорее могли высохнуть море или истлеть камень, чем ослабеть их любовь»¹¹³ – такими словами заканчивается история супругов, что еще раз подчеркивает силу чувств между ними.

Интересно отметить, что данный мифологический сюжет построен на контрастах – читателю словно предлагается сравнить несчастную одинокую жизнь Нюлана до встречи с Чжинюй с тем, какой спокойной и размеренной стала жизнь после обретения семейного счастья, сравнить

---

¹¹¹ Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), Пекин, 2015, С.60

¹¹² Там же, С.62

¹¹³ Юань Кэ Мифы Древнего Китая, С.65

отношения между Нюланом, Чжинюй и их детьми и отношения между Чжинюй и её родителями. Важность семейных ценностей показана как на положительных, так и на отрицательных примерах.

Также стоит подчеркнуть, что в некоторых трактовках не приводится объяснений, почему отец девушки был категорически против её брака с Волопасом. А по другим версиям, вероятно, более поздним, причиной родительского гнева является тот факт, что Чжинюй перестала ткать после замужества – в китайском сознании такое поведение очевидным образом вызывает негативную реакцию, ведь в культуре популярными и «правильными» всегда оказывались образы героев, готовых активно трудиться.

Глава 3. ОПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛИ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙЦЕВ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА, СОБРАННОГО В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОПРОСА

3.1 Общее описание структуры исследования

В ходе изучения теоретического материала по теме выпускной работы стало понятно, что для более качественного исследования необходимо выяснить на практике, что думают по поводу традиционной мифологии носители культуры. Методом проведения эмпирического исследования было выбрано проведение опроса среди современных китайцев – как среди тех, кто живет в Китае, так и среди студентов, которые на данный момент живут и учатся в Санкт-Петербурге и других городах России. Это стало возможно благодаря тому, что опрос проводился в онлайн-режиме, на сайте testograf.ru была создана форма с вопросами, ссылка на которую отправлялась знакомым, а также в различные интернет-сообщества, аудиторией которых являются китайцы.

Опрашиваемым было предложено ответить на десять вопросов, два из которых были направлены на получение информации о респондентах (пол и возраст), остальные восемь касались восприятия китайцами мифологического наследия своей страны. Ответы на вопросы предлагалось выполнить в открытой форме – такой формат был выбран для того, чтобы люди не были ограничены предложенными вариантами ответов, т.к. в противном случае результат исследования отражал бы не мысли собственно китайцев, а лишь их знание сюжетов и героев на уровне узнавания.

Выбор вопросов казался, с одной стороны, очевидным – о героях, о сюжетах, об идеях. Но такие формулировки являются довольно

абстрактными, а потому подходят для анкетирования представителей западной цивилизации, но не восточной. О различии в образе мышления народов проведено много исследований, в частности, Н.А. Спешнев указывает на «неразвитость у китайцев абстрактного мышления»¹¹⁴, то есть китайцев в меньшей степени интересуют универсалии, «китайцы больше приспособлены к прямому восприятию».¹¹⁵ На первый взгляд может показаться, что вопросы несколько дублировали друг друга, однако они были составлены с учетом того, что для китайского образа мышления «характерно подчеркивание частностей».¹¹⁶

Опрос проводился на китайском языке, ниже приведен список вопросов в переводе на русский язык:

1. Укажите, пожалуйста, Ваш пол.
2. Укажите, пожалуйста, Ваш возраст (до 18 лет, 18-24, старше 24 лет).
3. Какие мифы Вы знаете? Кто в них является главными героями?
4. С Вашей точки зрения, какие мифы наиболее популярны? Почему?
5. С Вашей точки зрения, каковы основные задачи (функции, цели) мифа?
6. Какие мифы оказали на Вас наиболее глубокое впечатление? Почему?
7. Какие особые элементы включают в себя китайские мифы, какое символическое значение они имеют в культуре Китая?
8. По каким причинам возникает миф, и какие чувства он передает?
9. Почему мифы сохраняют свою актуальность и в настоящее время тоже?

---

¹¹⁴ Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. - СПб.: Каро, 2012. 336 с., С.102

¹¹⁵ Там же, С.102

¹¹⁶ Там же, С.103

10. С Вашей точки зрения, на разных этапах роста человека и становления личности, миф оказывает одинаковое влияние или нет?

Общее количество собранных ответов – 90. Результаты первого вопроса показали, что подавляющее большинство респондентов – женщины, 68 человек от общего числа опрошенных (75,56%) против 22 мужчин (24,44%) (Рисунок 1).

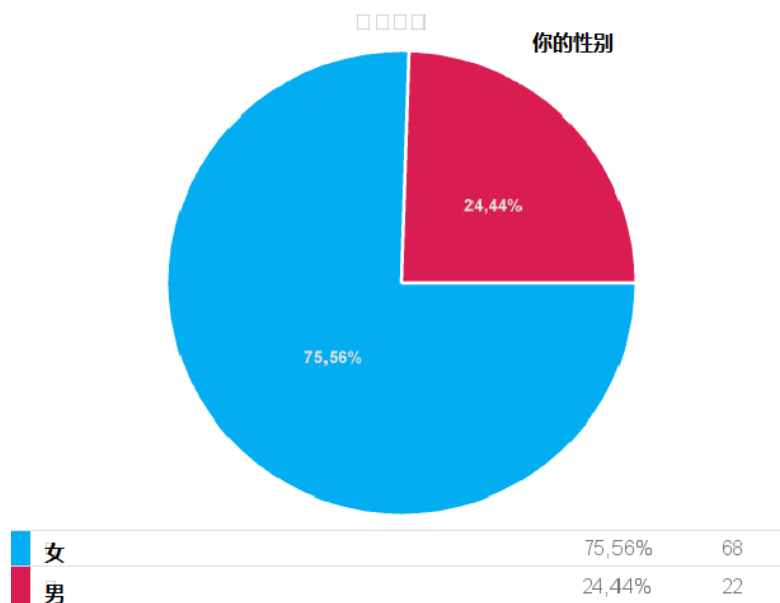

Рисунок 1

Результаты ответов на второй вопрос предоставляют сведения о возрасте респондентов. Так как опрос распространялся, в основном, среди студентов, большинство ответивших – это молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (86,67%). Также среди принявших участие в исследовании оказалось двое детей младше 18 лет (2,22%) и 10 человек старше 24 лет (11,11%) (Рисунок 2).

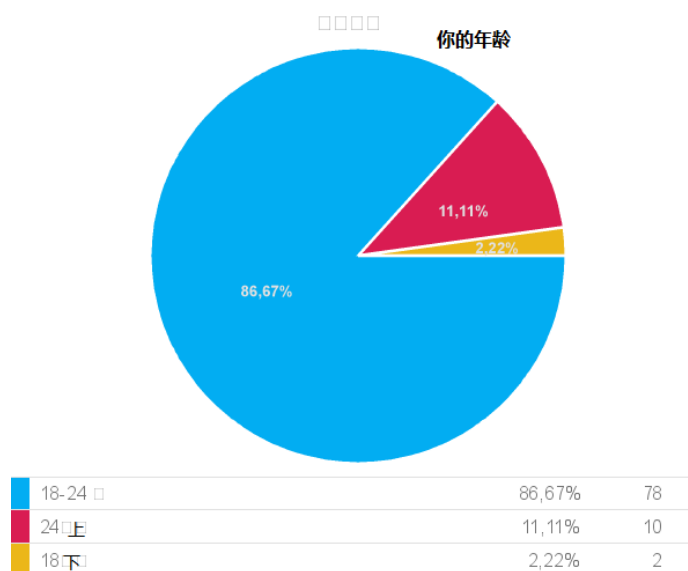

Рисунок 2

3.2 Анализ собранных во время проведения опроса данных

Ответы на вопрос о том, какие мифы знают китайцы, стали определяющим фактором выбора сюжетов для рассмотрения их в первой, теоретической, части представленной исследовательской работы. Китайцы в своих ответах указывали не один-два сюжета, а перечисляли до десяти названий историй и героев.

Самым популярным ответом оказался миф о Нюйва. Важно заметить, что китайцы упоминали оба сюжета об этой героине – и о том, как Нюйва чинит небо, и о том, как она сотворила людей, оба этих сюжета уже рассмотрены нами ранее. Однако героический сюжет о починке неба оказался более популярным, что говорит о необходимости наличия в культуре Китая образа героя – идеала, образца смелости, решительности, отваги, лидера, который примет на себя решение поступить определенным образом и поведет за собой народ.

Также очень часто китайцы вспоминали и о другом персонаже героических мифов – Великом Юе. Исследователи мифологии в разные периоды времени указывали на то, что образ Великого Юя – это один из наиболее популярных и узнаваемых героев древности, более того, именно он воспринимается в китайской культуре не только как мифический

персонаж, но и как реальный исторический деятель, основатель династии Ся. Проведенное исследование показало, что на сегодняшний день миф о потопе вместе с его главным действующим лицом – героем, который спас Поднебесную от губительного воздействия стихийного бедствия, продолжает бытовать в культуре и сознании людей.

Большое количество респондентов указало миф о стрелке Хоу И и его жене Чаньэ. Стоит отметить, что вместе с этим мифом китайцы также вспоминали миф о Куафу 夸父 – герое китайской мифологии, который отправился догонять солнце. Данная история не так распространена в культуре Китая, как история о стрелке Хоу И, однако исследование показывает, что китайцы всё же вспоминают её, хотя чаще лишь по аналогии с мифом о Хоу И. Действия этих героев связаны с солнцем, видимо по этой причине мифы коррелируют друг с другом и остаются в памяти людей единой историей, хотя на самом деле таковой не являются.

Примером того, что китайцам хорошо запоминаются мифы, имеющие определенные общие черты, является один из повторяющихся ответов, полученных в ходе исследования: истории о Цзинвэй и о Чаньэ часто упоминались в паре. Данные мифы объединяет то, что центральным персонажем является прекрасная девушка, мифы лишены героического пафоса, однако сложились в культуре как лирические истории о любви, надежде, силе духа.

Интересным результатом исследования оказался тот факт, что миф о Паньгу 盘古 – первопредке китайского народа, «первом человеке на земле»¹¹⁷ – упомянуло крайне малое число респондентов. Несмотря на то, что миф о Паньгу является «самым известным в традиции и в науке китайским космогоническим мифом»¹¹⁸, необходимо заметить, что на

---

¹¹⁷ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987

¹¹⁸ М.Е. Кравцова «История культуры Китая», СПб, 2003. – 416с., С.154

данный момент среди китайской молодежи широкого распространения эта легенда не имеет.

Важно отметить, что многие респонденты указали такого героя, как Сунь Укун 孫悟空, литературного персонажа, известного по роману «Путешествие на Запад»¹¹⁹ У Чэньэня¹²⁰. Это обстоятельство в очередной раз доказывает гипотезу о том, что для китайского мышления термин «миф» имеет широкие границы значений. Для представителей современной китайской молодёжи вовсе не очевидна разница между героем авторского литературного произведения и героем мифа. Еще один похожий на Сунь Укуна персонаж, которого отметили участники опроса – Нэчжа 哪吒 – происходящее из буддийской мифологии даосское божество защиты и бог-драконоборец, в поздней китайской мифологии герой-богатырь¹²¹, третий сын Ли Цзина.¹²² Сунь Укуна и Нэчжа можно обозначить как персонажей-трикстеров, т.е. архетипов в мифологии, фольклоре и религии. Трикстером называют «демонически-комического дублёра культурного героя, наделённого чертами плута, озорника»,¹²³ в таком качестве может выступать божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее противоправные действия или не подчиняющееся общим правилам поведения. Обычно для трикстера

---

¹¹⁹ «Путешествие на Запад» - один из четырёх классических романов на китайском языке. Опубликован в 1590-е годы без указания автора, в XX веке утвердилось мнение, что написал его книжник У Чэньэнь.

¹²⁰ У Чэньэнь 吳承恩 (1800-1852) – китайский писатель и поэт династии Мин.

¹²¹Б.Л. Рифтин Нэчжа/Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 – . Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. - 2007. - 869 с. С. 537

¹²²Ли Цзин 李天王 – Небесный князь Ли, образ родившийся в результате контаминации фигуры знаменитого полководца VII в. Ли Цзина и буддийского божества Вайшраваны, одного из четырех властителей стран света.

¹²³Трикстер// Мифологический словарь/ Гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М.:Советская энциклопедия, 1990. — 672 с.

особенно важен феномен игры – свою задачу такой персонаж видит в том, чтобы раскрыть суть игрового процесса ситуации.

Среди ответов на вопрос о том, почему определенные сюжеты оказались более популярны, а другие – менее, найдены совершенно разные объяснения, однако с целью некоторой систематизации можно выделить два фактора, которые, по мнению респондентов, оказались ключевыми в распространении мифа:

- как миф трансформировался и использовался в культуре
- какие темы затронуты в мифе

Можно заметить, что распространение сюжета в культуре напрямую зависит от того, насколько актуальные темы в нём поднимаются, но с точки зрения китайцев, которые участвовали в исследовании, данные факторы являются независимыми друг от друга, между ними не наблюдается причинно-следственной связи.

Опишем те из ответов, что повторялись чаще других. Китайцы – читающая нация, обычной является ситуация, когда дети проводят практически всё своё свободное время на полу в книжном магазине. Мифологические сюжеты всегда были распространены в китайской литературе, поэтому респонденты утверждают, что «каждый читал что-то про мифы». Среди крупных произведений, в основном, указываются «Книга гор и морей» и «Путешествие на Запад».

Не ограничиваясь рамками бытования в литературном творчестве, мифы стали основой сюжета многих фильмов, телесериалов, передач на телевидении, театральных постановок. Один из участников опроса написал: «Экранизации в кино и на телевидении снимаются непрерывно» (影視改編不斷 *инши гайбянь будуань*), действительно, экранизаций сюжетов различных историй насчитывается огромное количество. Самыми известными по мнению участников опроса фильмами по мотивам «Путешествия на Запад» являются полнометражные картины

«Сунь Укун: Переполох в Небесных чертогах»¹²⁴, «Запретное царство»¹²⁵, «Путешествие на Запад: Покорение демонов»¹²⁶, сериал «Путешествие на запад»¹²⁷. Об одном из персонажей, встречающихся в вышеуказанных работах – Нэчжа – сняты самостоятельные произведения кинематографа. Одним из примеров является мультфильм, который указали все респонденты, вспомнившие о Нэчжа – «Нэчжа покоряет морского дракона».¹²⁸ Также Нэчжа появляется в повествовании в четвертой главе произведения «Возвышение в ранг духов»¹²⁹ и проявляет себя «славным героем».¹³⁰

Многие респонденты указали на то, что традиционные праздники берут своё начало в мифах, и это обуславливает широкое распространение определенных сюжетов. Например, легенду о Чаньэ и стрелке Хоу И подавляющее большинство населения Китая знает именно благодаря

---

¹²⁴ Сунь Укун: Переполох в Небесных чертогах -大鬧天宮 данао тяньгун (англ. *Uproar in Heaven*) - полнометражный мультфильм, экранизация романа «Путешествие на Запад», реж. Вань Лаймин 万籟鸣, 1965г.

¹²⁵ Запретное царство (англ. *The Forbidden Kingdom*) - приключенческий фильм с участием Джета Ли и Джеки Чана, реж. Роб Минкофф, 2008г

¹²⁶ Путешествие на Запад: Покорение демонов - 西遊·降魔篇(англ. *Journey to the West: Conquering the Demons*) - комедийный фэнтези-боевик, реж. Стивен Чоу, 2013г.

¹²⁷ Путешествие на Запад 西游記 - сериал, состоящий из 25 эпизодов, CCTV, 1986г

¹²⁸ «Нэчжа покоряет морского дракона» - 哪吒鬧海 Нэчжа наохай - анимационный фильм, являющийся адаптацией мифологического сюжета, реж. Янь Дин-Сянь 嚴定憲, Ван Шучэнь 王樹忱, Сюй Цзинда 徐景達, КНР, 1979г. Участвовал в программе Каннского кинофестиваля 1980 года.

¹²⁹ Возвышение в ранг духов 封神演義 фэншань яньи - роман XVI века приписываемый Сюй Чжунлиню, в нем отражены легенды о героях конца династии Шан - начала Чжоу

¹³⁰ Фэншэнь яньи 封神演义(Возвышение в ранг духов), Куньмин ,2014, С.22

Празднику середины осени¹³¹, а рассказ о Волопасе и Ткачихе – благодаря Празднику влюбленных¹³²

Как было сказано выше, современные китайцы делают выводы о популярности того или иного мифа не только на основании его распространения в культуре, но и в зависимости от того, какие аспекты духовной жизни затронуты в сюжете.

Наибольшее распространение получают истории, в которых поднимается вопрос происхождения мира, как утверждает один из респондентов, мы постоянно находимся в поиске своих истоков: 中国传统关于人类起源的神话故事最为流行，因为人们都在不断探索自己的来源 *чжунго чуаньтун гуаньюй жэньлэй цюаньдэ шэньхуагуши цзуй вэйлюсин, иньвэй жэньмэньдоу цзайбудуань таньсо цзыцзидэ лайюань*. Популярны сюжеты, в которых описывается спасение героем народа во время природных катаклизмов. Важным фактором популярности мифа китайцы считают его соответствие основной идеологии страны: 符合主流思想的 *фухэ чжулю сысяндэ*, отражают социальный фон: 反映當時的社會背景 *фаньин даншидэ шэхуэй бэйцзин*. Также популярными становятся мифы, в которых акцент в сюжете делается на чувство справедливости 正義感 *чжэньги гань*.

Наиболее важными задачами, функциями мифов, которые выделили участники исследования, являются:

- Поддержание добродетели и осуждение зла 懲惡揚善 *чэньэ яншань*
- Установление идеалов 讓人們有信仰 *жан жэньмэнь ю синьян*

---

¹³¹ Праздник середины осени 中秋節 *чжунцюцзе*, отмечается на пятнадцатый день восьмого лунного месяца.

¹³² Праздник Циси 七夕节 *цисицзе*, отмечается седьмого числа седьмого лунного месяца.

- Повествование о быте, традициях 寄托對生活的嚮往，傳承中華民族傳統美德 *цзито дуй шэнхоходэ сянван чуаньчэн чжунхуа миньцзу чуаньтунмэйдэ*
- Транслирование национальной истории, передача культурных идеалов 講述民族歷史淵源，傳承民族意志與文化 *цзяншу миньцзу лishi юаньюань, чуаньчэн миньцзу ичжи юй вэньхуа*
- Воспитание чувства прекрасного 給人們一個美麗的嚮往 *гэй жэньмэнь игэ мэйдэ сянван*
- Направление людей к добрым началам 引導人們向善 *иньдао жэньмэнь сяншань*
- Прославление героев в веках 流芳百世 *люфан байши*

Наиболее глубокое впечатление на современных китайцев оказали мифы, которые демонстрируют силу характера персонажа, т.е. истории, в которых прослеживаются такие мотивы, как:

- Сложный путь к успеху 成功的路上必須有磨難 *чэнгундэ лушан бисюй ю монань*
- Служение народу 體現為人民服務的精神 *тисянь вэйжэньминь фуудэ цзиньшэнь*
- Решимость человека (образно: силы человека могут преодолеть силы природы, твёрдость человека побеждает судьбу) 人定勝天的思想 *жэньдин шэнтяньдэ сысян*
- Настойчивость, неутомимость духа 深刻的印象 *шэнькэдэ иньсян*

- Обладание упорством и настойчивостью (буквально: гравировать не переставая) 鏗而不舍 *це эр бушэ*

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что достижение личного успеха является крайне важной жизненной целью в сознании китайского народа. Однако стоит отметить, что современные жители Китая в полной мере осознают, что успех не придет к человеку ленивому, с отсутствием амбиций, слабому духом, поэтому в качестве примера пользуются образами, которые являются воплощением упорства, настойчивости, четкого осознания своих задач. Стоит отметить, что в данном контексте наибольшее влияние на самосознание современного народа оказывает легенда о птичке Цзинвэй, именно эту историю респонденты указывали чаще других, когда рассуждали о силе характера.

Ответы на вопрос о том, какие символические элементы включают в себя произведения китайской мифологии, оказались довольно неопределенными, вероятно, вопрос был понят несколько иначе, чем был задуман, однако необходимо выделить наиболее четкие концепты и понятия, которые определили участники исследования:

- В мифах заключены понятия солнца, луны, скота, это есть элементы аграрного общества 日月牛, 跟農業社會息息相關 *жи юэ ню, гэнь нуньешэхуэй сиси сянгуань*
- Основные элементы государственного строя 家國元素 *цзяго юаньсу*
- Мистическое влияние луны 月亮 神秘力量 *юэлян шэньми лилян*
- «Плата той же монетой», т.е. понятие о том, что все события взаимосвязаны 善有善報, 惡有惡報 *шанью шаньбао, эю эбао*
- Феномен чуда 奇跡 *цици*

- Понятие авторитета 權威 *цюаньвэй*
- Идеалы, убеждения 信仰 *синьян*

Относительно вопроса о причинах возникновения мифов и чувств, которые они передают, следует отметить некоторые наиболее важные и интересные ответы:

- Миф складывался как история, которая являлась благоприятной для государственной власти 便於皇權通知 *бяньюй хуангцюань тунчжи*
- Передача истинных, справедливых, достойных морально-этических концепций 傳遞正義善良等道德觀 *чуаньди чжэньишань лянден даодэгуань*
- Проявление поклонения человека природе 人類對自然的崇 *жэньлэй дуй цзыжаньдэ чунбай*

Таким образом, обнаружено еще одно доказательство эвгемерезации китайской мифологии: в сознании современного человека миф не только стал частью истории, но и складывался с данной целью. Важной деталью является тот факт, что такая трактовка истории является политизированной – как и во многих других культурах, в китайской мифологии, если рассматривать её с точки зрения истории, заключены сведения, которые не противоречат главенствующей идеологии.

Мифология, по мнению современных китайцев, является транслятором культурных ценностей – норм этики и морали. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что становление личности происходит под воздействием поучительных сюжетов мифов, главные герои которых становятся образцами для подражания.

Как отмечают участники исследования, мифы никогда не потеряют своей актуальности, потому что являются истоками культуры 文化根源 *вэньхуа гэньюань*. Мифы – это то, что «требуется внутреннему миру человека» 內心需要 *нэйсинь сюйя*, а поэтому они непрерывно «передаются из поколения в поколение» 代代相傳 *дайдай сянчуань*. Также причиной того, что миф является устойчивой культурной единицей, можно указать его общедоступность, понятность 通俗易懂 *тунсуидун* и интересность, способность вовлечь в чтение 內容吸引 *нэйжунсиинь*.

Ответ на заключительный вопрос был одинаковым среди всех опрошенных – конечно же, миф оказывает неодинаковое влияние на личность на различных этапах её формирования. Дети воспринимают мифы исключительно как сказочные истории о персонажах, которые обладают какими-либо неординарными способностями. Взрослея, они начинают разделять реальные события и вымысел, замечать, что за мифом стоит нечто большее, чем просто красивая история – извлекают из него уроки, обретают героев, которым хочется подражать, чтобы стать достойным человеком. Так как знакомство с мифологией происходит с ранних лет, восприятие взрослого человека базируется на детских впечатлениях, однако становится уже критичным, аналитическим.

Подводя итоги практического исследования, стоит отметить, что роль традиционной китайской мифологии в формировании самосознания китайцев крайне важна. С детства и на протяжении всей жизни жителя современного Китая окружают герои древних сказаний и легенд: образы встречаются в книгах, фильмах, сериалах, становятся олицетворением традиционных праздников, которые крайне важны в культуре Китая. Таким образом, в большой степени именно посредством усвоения основных идей, которые транслируются в сюжетах мифологии, происходит формирование образа мышления и становление личности современных китайцев. Китайцы ассоциируют себя с образцовыми героями древности, соотносят

свои действия с нормами, которые диктуются в мифах, и это становится одним из ключевых факторов формирования их самосознания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же такое миф с точки зрения мышления китайцев, каким образом мифологические сюжеты складываются, трансформируются с течением времени, какой смысл они в себе несут, сохраняются ли в традиции народа, как влияют на формирование психологических аспектов личности – эти и другие вопросы были исследованы в представленной выпускной квалификационной работе.

Изучение мифологии необходимо для понимания, а также рефлексии по поводу основных процессов, происходящих в обществе, тенденций и перспектив его развития. Мифология является основой культуры народа, источником знаний о прошлых эпохах, транслятором духовных ценностей, морально-этических идеалов.

Основными проблемами китайской мифологии являются эвгемеризация сюжетов, фрагментарность источников и трудности, связанные с особенностями языка, вопросы хронологии, а также политизации истории.

Исследование показало, что наибольшее значение для культуры Китая имеют мифы о сотворении мира, героические сюжеты, а также истории, повествующие о силе характера человека. На основе анализа китайской научно-популярной исследовательской литературы, а также данных, полученных в ходе проведения практического исследования, можно сделать вывод о том, что наиболее популярными персонажами мифологии в Китае являются Нюйва, Великий Юй, Хоу И и его жена Чанъэ, Цзинвэй, Волопас и ткачиха Чжинюй. Все эти персонажи обладают определенным набором положительных качеств, которые воспитываются в детях с малых лет. Так, например, Нюйва – это образ героини, обладающей качествами, присущими настоящим героям, который вполне закономерно закрепился в культуре как символ негибкости китайского народа, который не сломить никакими трудностями и невзгодами. А Великий Юй является символом ума, смекалки, смелости и решительности, примером того, как нужно преодолевать

трудности, отважным героем, лидером, который повёл за собой народ и спас его от неминуемой гибели.

В ходе анализа опроса было установлено, что современные китайцы определяют функциями традиционной мифологии воспитание нравственных идеалов, транслирование национальной истории, передача культурных идеалов, направление людей к добрым началам, поддержание добродетели и осуждение пороков.

Подводя итоги практического исследования, стоит отметить, что роль традиционной китайской мифологии в формировании самосознания китайцев крайне важна. С детства и на протяжении всей жизни представителя современного Китая окружают герои древних сказаний и легенд: образы встречаются в книгах, фильмах, сериалах, становятся олицетворением традиционных праздников, которые крайне важны в культуре Китая. Таким образом, огромное значение имеет усвоение основных идей, которые транслируются в сюжетах мифологии, именно под их влиянием происходит формирование образа мышления и становление личности современных китайцев. Китайцы ассоциируют себя с образцовыми героями древности, соотносят свои действия с нормами, которые диктуются в мифах, и это становится одним из ключевых факторов формирования их самосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке

1. Бодде Д. Мифы древнего Китая // Мифологии древнего мира. М., 1977
2. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Наука, 1970. 480 с.
3. Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая: в 2 ч. / Ч. I: Культ предков, многобожие и философия. Изд.2-е. – М.: Ленанд, 2015. 304с.
4. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общей редакцией Р.В.Вяткина. Вступит, ст. М.В.Крюкова. Издание второе, исправленное и дополненное. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001, С. 150
5. Кобзев А.И. Пань-гу/Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 – . Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. - 2007. - 869 с. С.541-543.
6. Кравцова М.Е. «История культуры Китая»,СПб, 2003. – 416 с.
7. Мифологический словарь/ Гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М.:Советская энциклопедия, 1990.
8. Пань Фу-энь Ши цзин/Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия / ред. М.Л.Титаренко, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов. - 2006. - 727 с. С. 623-625.
9. Рифтин Б.Л. Ли Тянь-вань/Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост.

- лит., 2006 – . Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. - 2007. - 869 с. С. 499
10. Рифтин Б.Л. Нэчжа/Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 – . Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. - 2007. - 869 с. С.520
11. Рифтин Б.Л. Нюйва //Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. Лит., 2006. Т. 2. Мифология. Религия / 2007. 869 с. С. 538
12. Рифтин Б.Л. Ню-лан/Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 – . Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. - 2007. - 869 с. С. 539.
13. Рифтин Б.Л. Си-ван-му/ Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 – . Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. - 2007. - 869 с. С. 568-570.
14. Рифтин Б.Л. Хоу И //Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006. Т. 2. Мифология. Религия / 2007. 869 с., С. 463
15. Рифтин Б.Л. Чаньэ/Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 – . Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. - 2007. - 869с. С. 712.

16. Рифтин Б.Л. Юй // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 – . Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. - 2007. - 869 с., С. 760
17. Рифтин Б.Л., Анашина М.В.Чжи-ньюй/Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 – . Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. - 2007. - 869 с. С. 723
18. Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. - СПб.: Каро, 2012. 336 с
19. Сыма Цянь Исторические записки (Ши цзи). Т. I. Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общей редакцией Р.В.Вяткина. Вступит, ст. М.В.Крюкова. Издание второе, исправленное и дополненное. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. - 415 с.
20. Сыма Цянь Исторические записки : Ши цзи : [В 9 т.] : Т. 9 / пер. с кит. и коммент. под ред. А.Р. Вяткина ; вступ. ст. А.Р. Вяткина. — М.:Вост. лит., 2010. - 623 с.
21. У Чэн-энь. Путешествие на Запад/Пер. А.Рогачева. Т. 1 - 4. М., 1959
22. Юань Кэ Мифы древнего Китая. – М.: Наука, 1965.
23. Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.

На английском языке:

24. Leibold, Michel DaYu, a Modern Hero? Myth and Mythology In The People's Republic of China // Perceptions of Antiquity in Chinese Civilization, University of Wurzburg, 2008, pp.361-375
25. *Glosser S. L.* Chinese visions of family and state, 1915-1953. – Berkeley: University of California press., 2003. 275 с.
26. Lewis, Mark Edward. The Flood Myths of Early China - NY, 2006

На китайском языке:

27. Фэншэнь яньи 封神演义(Возвышение в ранг духов), Куньмин ,2014
28. Чжунго вэньхуа гайлунь 中国文化概论 (Введение в культуру Китая), Пекин, 2014
29. Чжунго вэньхуа 中国文化 (Культура Китая). Пекин, 1999.
30. Чжунго чуаньтун гуши байпянь 中国传统故事百篇 (Сто традиционных китайских историй), Пекин, 2015

ПРИЛОЖЕНИЕ

中国神话

1. 你的性别*
2. 你的年龄*
3. 你知道哪些神话，他们的主人公是谁？
4. 你认为哪些神话是最流行的，为什么？
5. 根据你的观点，神话的主要任务是什么？
6. 哪些神话给你留下深刻的印象，为什么？
7. 中国神话中有哪些特殊元素，这些元素在中国文化中有哪些象征意义？
8. 哪些原因促使神话产生，通过神话传递哪些情感？
9. 为什么神话可以流传至今
10. 根据你的观点：神话在人生成长的不同阶段产生的影响是一样的吗？